

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ ПОЭЗИИ О ВОЙНЕ (на материале произведений кабардинских авторов)

Хавжокова Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ БНЦ РАН), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статья посвящена исследованию художественного психологизма кабардинской военной лирики. Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время психологический ракурс изучения национальной поэзии о Великой Отечественной войне остается недостаточно освещенным. Основное внимание автора статьи акцентируется на индивидуализированных попытках использования разных форм художественного психологизма в произведениях известных кабардинских поэтов: А. Кешокова, Л. Губжокова, С. Хахова, А. Бицуева и др. Поэтические произведения перечисленных авторов исследуются с позиций художественного психологизма. В частности, в кабардинской поэзии о войне выделяются прямая и косвенная формы психологизма, а также примеры суммарно-обозначающего психологизма. Отдельное внимание уделяется произведениям поэтов-фронтовиков и поколения так называемых «детей войны». Психологические рамки рассмотрения поэтического материала, как правило, предполагают апелляцию к эмотивному и нравственно-философскому аспектам. В этом плане при анализе стихотворений основной акцент делался на позиции лирических героев – так называемый взгляд «изнутри» солдата-фронтовика, а также матери, супруги, детей, ожидающих своих родных с войны. Таким образом, в ходе исследования выявлен синтез личностного и общечеловеческого в национальной военной лирике. Кроме того, в исследовании определена уникальность кабардинской военной лирики, заключающаяся в удачной интеграции в ней всех обозначенных форм и приемов психологизма.

Ключевые слова: кабардинская поэзия, история, художественный психологизм, прямой психологизм, косвенный психологизм, суммарно-обозначающий психологизм, военная лирика, поэт-фронтовик, «дети войны».

В современном литературоведении мысль об историчности всякой истинной поэзии носит аксиоматичный характер. Однако историзм поэзии не может быть однозначно интерпретирован, поскольку включает различные формы и способы воспроизведения разных эпох, событий, явлений и т.д. Историзм в художественном произведении может быть выражен в соотношении понятий «история» – «современность», в прямом фиксировании реальных фактов современной автору эпохи, а также в исторической и социальной обусловленности авторского «я», отражающего эстетические и этические идеалы эпохи и в конечном итоге – закрепляющего подлинно историческую концепцию личности.

Историзм поэзии как словесного искусства состоит также в том, что она (поэзия), запечатлевая сознание и идеалы своего времени, его реальные приметы, в поэтике своей сохраняя «память» о национальной и мировой поэтической традиции, создает стиль и образы, характерные для данного состояния художественного освоения мира, и одновременно открывает собою возможности будущих путей своего движения. Тем самым поэзия в каждый исторический момент – есть средоточие прошлого, настоящего и будущего в слове. И эти три ее измерения определяют и собственный ее историзм. В какой мере и как поэт устанавливает связи со

своим временем, какие мосты он наводит меж прошлым, настоящим и будущим не на поверхностном, декларативном уровне, а в самой поэтике, в художественном образе – вопрос нелегкий, ибо от его решения зависит правильная оценка и осмысление типологии и своеобразия каждого исторического этапа¹.

Великая Отечественная война, будучи глобальным историческим явлением, охватившим долгий период времени и оказавшим влияние на миллионы человеческих судеб, оставила неизгладимый след во всех сферах жизнедеятельности человека, навсегда запечатлелась в художественном сознании многих этносов. Масштабы и значение данного события подтверждаются неослабевающим, а, напротив, усиливающимся на протяжении многих десятков лет глубоким интересом к теме войны и ее трагических последствий.

В истории человечества не было событий, равного войне 1941–1945 гг., именно поэтому велико количество произведений, посвященных ей. С первых дней этой кровавой битвы многие кабардинские поэты и писатели ушли на фронт, сменив перо на оружие. В их числе были: Али Шогенцуков, Алим Кешоков, Бетал Куашев, Адам Шогенцуков, Аскерби Шортанов, Буба Карданов, Ахмедхан Налоев и т.д. Перечисленные и другие поэты-, писатели-фронтовики защищали родину не только оружием, но и пером: сочиняли стихи и поэмы призывного характера, произведения глубокого психологического и патриотического содержания.

Масштабы трагедии войны были также прочувствованы и художественно воспроизведены поэтами и писателями последующих поколений, включая современную молодую плеяду авторов, вошедших в литературный процесс в начале XXI века. Данный факт свидетельствует о неисчерпаемости обозначенной проблемы, что являет собой следствие неиссякаемой боли, причиненной войной.

Кабардинская военная лирика в целом характеризуется тонким психологизмом, ярко выраженной эмотивной окраской и философской глубиной. При этом главенствующее положение в стихах и поэмах о войне, на наш взгляд, занимает именно психологизм – проникновение во внутренние переживания личности. При этом, с одной стороны, психологизм может быть «поверхностным», «описательным», т.е. автор может просто зафиксировать, запечатлеть в своем произведении, передать, описать некоторое чувство лирического героя (например, страх, радость, вдохновение и т.п.). С другой стороны, он может анализировать чувства героя, выявлять причины его конкретного состояния. Таким образом, в дихотомии «психологическое описание» – «психологический анализ» доминирующая роль принадлежит последнему. Психологический анализ в литературе также обозначается терминами «психологизм» или «художественный психологизм».

По определению Л.Я. Гинзбург «Психологический анализ осуществляется в форме *прямых* авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или *косвенным* образом – в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель»². В тех случаях, когда автор акцентирует внимание на «внешних симптомах» – поведении, речи, мимике, жестах – т.е. на внешних факторах, идентифицирующих то или иное состояние героя, подобную форму психологизма принято называть «*косвенной*». При «*прямой*» форме психологизма персонаж описывается «изнутри», т.е. в произведении воспроизводится глубоко внутреннее душевное состояние героя, его переживания, эмоции. Средствами воплощения прямого психологизма в художественном произведении выступают философия раздумья, медитации, монолог, сон, письмо, исповедь и т.д.

Исследуя формы психологического анализа И.В. Страхов также выделил две его разновидности, а именно: описание образов, персонажей «*изнутри*» – «путем познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения», а также психологический анализ характеров извне – посредством «интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и др. средств внешнего проявления психики»³.

Обозначенную выше типологизацию А.Б. Есин дополнил третьей формой психологического анализа – так называемым «суммарно-обозначающим» психологизмом, который был определен исследователем как «способ сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире»⁴.

В эпических произведениях автор обладает большей возможностью, чем в поэзии, для выражения психологизма конкретного образа в определенной ситуации. Кроме передачи внутреннего состояния, настроения персонажа, он (автор) имеет возможность для подробного раскрытия причин данного состояния, для описания эмоциональных составляющих или внешних мотиваций его поступков, поведения и т.д. В таких случаях речь идет о выявленном А.Б. Есиным «суммарно обозначающем» психологизме.

Умолчания, недоговоренности, паузы, намеки также выступают приемами литературного психологизма, предоставляющими читателю возможность проведения собственного психологического анализа конкретного случая, ситуации, поведения или поступка героя.

Уникальность кабардинской военной лирики заключается в удачном синтезе в ней всех перечисленных форм и приемов психологизма. Ужасы войны осмыслены и прочувствованы поэтами глубоко и с разных ракурсов – например, с позиции фронтовика, прошедшего через кровавые сражения или павшего в храбром бою; с позиции матерей, жен, детей ожидающих своих сыновей, мужей и отцов с войны; с позиции родителей предателя, примкнувшего к лагерю врагов и воевавшего против своих братьев (например, в поэме «Отец» А. Кешокова) и т.д.

В стихотворении «Моей матери» («Си анэм») А. Кешокова создан образ матери, окрыленной радостью возвращения сына с фронта. Последний уверен в том, что в его возвращении живым и невредимым велика заслуга матери – именно ее безграничная любовь помогла ему выстоять перед всеми бедами. Поэтому сын предлагает матери отведать из солдатской фляжки, чтобы подобным образом разделить с ней вполне заслуженную победу. Далее в стихотворении наблюдается усиление психологизма. Предлагая матери выпить из солдатской фляжки, сын говорит:

*Ефэ, дянэ, уэ ипфац нэхъ гуацІэ –
Гуауэ Іэджэм уи цхьэр хужь яцІац,
Ефэ уи кзуэу къэжгуэжсами пацІэ,
Куэди цэхуу нэпсу уэ плъэцІар⁵.*

Выпей, мать, ты хлебнула еще более крепкого –
От больших бед голова твоя побелела,
Выпей за вернувшегося сына,
Довольно слез, утертых тобой тайком*.

В основу другого стихотворения А. Кешокова «Свет в окне» («Щхьэгубжэ нэху») также положена глубокая эмоциональная взаимосвязь матери и сына. Лирическая героиня стихотворения ждет сына с войны, не выключая свет в его комнате: она уверена в том, что этот свет будет освещать ему дорогу везде, где бы он ни находился:

*Гъуэгу нэхум тетци си цІалэр,
Сэ кІыфІ згъэхъункъым и пэшыр», –
Ар жиІэу жэцІкІэ егъаблэ
Уэздыгъэр анэм мызэшу⁶.*

«Мой сын на светлой дороге,
Я не позволю темноте воцариться в его комнате», –

* Здесь и далее построчные переводы автора статьи.

Говоря это, мать по ночам
Включает свет неустанно.

Если в приведенных двух произведениях встречаются примеры суммарно-обозначающего психологизма, направленного на воспроизведение трагедий войны в динамике от частного конкретного случая к общей картине этого значимого исторического события, то в стихотворении «Обняв свою винтовку» («Си фочым ГэплГэ ешхэлауэ») наблюдается удачное использование А. Кешоковым прямого психологизма – описания чувств лирического героя «изнутри». Будучи на фронте, прислонившись к «холодной стенке окопы», герой размышляет о жизни. Он представляет себе как враг хвастается тем, что проник в его отчий дом, «побеспокоил» мать, более того, «немец, не спеша, прогуливается по родным склонам, наслаждается красотой гор, смеет ступать по земле, на которой он был взращен...». Подобные мысли становятся невыносимыми для солдата, его охватывает сильный гнев: «Мэгубжэ сигу Гэлыр, зешхыхьыж»⁷. – «Гневается мое неугомонное сердце, [пребывает] в ярости». Однако действия врага вызывают у него не страх, а сильное противодействие, гнев лишь закаляет дух героя, а препятствия заставляют действовать. В словах солдата-фронтовика чувствуется большая сила, мужество, отвага, решительность и абсолютная уверенность в победе над врагом:

*Ар бийм хуэдэнкьым, щы уи фГэц,
Абы и щанГэм сынэсынц,
Ди щыгу кьарукГэ сэ сьлгэщц,
А бийм сэ мацэр льызгэьыниц*⁸.

Я не прошу этого врагу, поверь,
Я доберусь до него,
Я силен энергией нашей земли,
Этого врага я сведу в могилу.

В некоторых стихах о войне наблюдается сплетение разных форм художественного психологизма. Пример удачного синтеза его прямой и косвенной форм встречается в стихотворении «9 мая 1945 года» А. Кешокова. С тонким психологизмом и глубокой философией в произведении показана «безудержная» радость победы, детально описано безграничное выстраданное счастье победителей:

*ЗауэлГэм, фыгьуэм чэф щылауэ,
Кьыкын окопхэм шэчхэр яцГ,
Я цейм ятлагьуэр кГэрытцлауэ
Пейтейу кьажыхьыр, ба зэхуацГ.*

*Окопым кьокГри зы долъей,
И каскэ щыхур цхьэрихауэ.
Щы щыГум щецьыр ислгэмей,
Гэгу йоуэ псори, кьэгушхуауэ*⁹.

Воины, опьяненные радостью,
[Еще] не рискуют выходить из окоп,
[Одетые] в испачканные глиной черкески,
Бегают в волнениях, целуют друг друга.

Один, выйдя из окопы, подпрыгивает,
Сняв свою синюю каску,
Танцует на земле исламей*,
Все хлопают, воспрянув духом.

* Ислгэмей – исламей – национальный адыгский танец.

В данном случае автором стихотворения не столько описывается то или иное состояние лирических героев, сколько акцентируются причины и мотивы их поведения. Танцы, поцелуи, хлопанья в ладоши, подпрыгивания от радости являются следствием пережитых ими положительных эмоций, «приятных потрясений» и причиной всему описанному выступает долгожданная заслуженная победа.

В кабардинской поэзии присутствует мотив осмысления войны сквозь призму детской психологии. Вполне закономерно, что для еще несформированной и неокрепшей психики война стала символом безысходности, безнадежности, сильного психологического барьера, за который не каждое юное сознание смогло перешагнуть. Данное обстоятельство повлекло за собой выработку набора комплексов у так называемых «детей войны». Именно представителями обозначенного поколения «детей войны» или раннего послевоенного времени в лице поэтов Лиуана Губжокова, Зубера Тхагазитова, Хабаса Бештокова, Сафарби Хахова, Анатолия Бицуева и др., создано наибольшее количество психологических зарисовок о кровавой эпохе. Таковы, например, «На остановке» («Автобус къзувыІэпІэм деж»), «Моей матери» («Си анэм»), «Памятники отцов» («Адэхэм я сынхэр») Л. Губжокова, «Поезд» («МафІугу»), «Мелодии войны» («Зауэ макъамэ») З. Тхагазитова, «После войны» («Зауэ нэужу») Х. Бештокова, «Словно горсть грязи на белоснежной стене...» («ЯтІэ ІэшкІэ блын хужькыбзэм...»), «Моя мать» («Си анэ»), «Кино», «Памяти отца» («Адэм и фэеплъ») С. Хахова, «Фотография» («Сурэт»), «Слепой» («Нэф»), «Сердце матери» («Анэм и гур»), «Фызабэм и псалъэ» («Слова вдовы»), «Абыхэм ящІэрт я псэр щІатыр...» («Они знали, за что жертвовали душой...») А. Бицуева и др.

В стихотворении «На остановке» («Автобус къзувыІэпІэм деж») Л. Губжокова описывается состояние мальчика, плачущего из-за того, что автобус провез его отца до следующей остановки. Этот случай напомнил лирическому герою 1941 год, когда многие отцы, «оставив своих детей за подолами матерей», безвозвратно ушли на фронт. Таким образом, автором стихотворения проводится психологическая параллель между состоянием мальчика, «потерявшего» отца лишь на время (т.е. его отец выйдет из автобуса на следующей остановке и вернется к нему) и обобщенным образом детей войны, потерявшим своих отцов навсегда. Яркий пример воспроизведения боли подобной невосполнимой утраты, которая несовместима в плане реального осознания, осмысления и переживания с возможностями детской психики, встречается в стихотворении «Моей матери» («Си анэм») Л. Губжокова. Юному сознанию неподвластно для понимания, почему у других детей есть отцы, у него – нет. Самое страшное то, что и у матери нет ответа на данный вопрос:

*Бын игъэджэгуу сэ адэ слъэгъуам,
Сыгъыу уи деж къэзгъэзэжырт.
– Мамэ, си папэ дэнэ здэкІуар? –
ЖысІэм цхъэусыгъуэ къэплъыхъуэрт¹⁰.*

Видя отцов, играющих с детьми,
Я в слезах возвращался к тебе.
– Мама, мой папа куда ушел? –
Спрашивал я... ты находила отговорки.

С приведенным произведением Л. Губжокова перекликается стихотворение «Кино» С. Хахова. Здесь автор оригинальным образом передал психологическую травму ребенка, потерявшего отца. Для этого поэт использовал в своем произведении достаточно интересную ситуацию. Лирический герой смотрел кино о войне и вдруг персонаж из фильма, будучи раненным, упал на землю. Далее в стихотворении приводится детальное описание психологического состояния лирического героя, принявшего того раненого воина за своего отца:

*Кином еплъхэр тхъэ делъэлут
Ар къэтэджыжыну.
Ауэ,
Хъэлъэ дьдэу цэлущ
Гум имыкыжынуц,
Шац къритхъу
ГэкIэ щIыр,
НэжIукIэ хэлубауэ...*

*Си фIэц хъуркъым
Сэ а лIыр
Сядэр армырауэ!¹¹*

Мы – зрители – молились о том,
Чтобы он встал,
Но,
Вздохнув настолько тяжело,
Что это невозможно забыть,
Скончался, выковыривая
Почву руками,
Уткнувшись лицом в землю...

Военная лирика А. Бицуева также пронизана психологическими мотивами. В стихотворении «Тот дед жил с нами по соседству...» («Ди гъунэгъуу а лIыжъыр псэуат...») воссоздан образ отца, ожидающего возвращения сына с фронта. Война стала для него двойной бедой: во-первых, он сам вернулся оттуда с нарушенной психикой, во-вторых, она (война) отняла у него единственного сына. Он ходил по домам, прося вернуть ему сына, часто бывал на сельском кладбище, заглядывая за памятники, разыскивая его. По мере развития сюжета стихотворения наблюдается усиление психологизма и трагичности описываемой ситуации:

*...Ехъжащ дунейм ар и гур ныкъуэу.
Сэ а лIыжъым нобэми сощIыхъ:
ЩIы щIагъ кIыфIым къыщилгъыхъуэу и къуэр
СфIоцI иджыри хэту ар бэлыхъ¹².*

...Покинул этот мир он с болью в сердце.
До сих пор мне снится этот дед:
Мне кажется, что он продолжает пребывать
в нескончаемых муках,
Разыскивая своего сына в темном подземелье.

Оригинальным в плане психологического воспроизведения масштабов трагедии войны сквозь призму судьбы одного фронтовика является стихотворение «Слепой» А. Бицуева. Лирический герой в результате травмы, полученной на войне, потерял зрение. В произведении говорится о том, насколько храбро и отважно сражался он с врагом, и с какой радостью теперь взглянул бы на мир, спасенный им от пожара войны, однако:

*...КъекIухъыр нэфым
БашкIэ Гэбэрабэу,
ФIэклүэда нитIыр
Къылгъыхъуэж нэхъей¹³.*

...Ходит слепой,
Выискивая палкой дорогу,

Словно разыскивает
Потерянные им глаза.

У адыгов есть поговорка «*Зауэм и кІэр хьэдагъэци*». – «Конец войны – похороны (т.е. оплакивание погибших)». Всякая война являет собой разрушительную силу. При этом в переносном значении этой мысли – в плане разрушения психологии людей – война представляет собой самую глобальную и страшную силу, губительно воздействующую на многие поколения. Подтверждением может служить то обстоятельство, что последствия войны 75-летней давности ощущаются и на сегодняшний день. Эта тема не исчерпала себя и в литературе: и в настоящее время поэтами и писателями используются оригинальные способы и приемы художественного воспроизведения войны, воссоздаются новые образы фронтовиков, с философской глубиной интерпретируются их поступки, с тонким психологизмом описывается их внутренний эмоциональный фон, на котором зародились мотивы, подвигнувшие героев на мужество, отвагу и победу.

Таким образом, подводя итоги представленного исследования, можно констатировать удачный синтез историзма и разных форм художественного психологизма в кабардинской военной лирике, благодаря чему в национальной поэзии сформировалась модель истории, объединяющая в себе трагедию личностного и общечеловеческого.

Примечания

1. *Хавжокова Л.Б.* Поэтический мир Хабаса Бештокова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 8–9.
2. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С. 347.
3. *Страхов И.В.* Психологический анализ в литературном творчестве: пособ. для студ. В 5 частях. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. Ч. 1. С. 4.
4. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 13.
5. *Кешиков А.П.* Собрание сочинений в 6 томах. (На каб. яз.). Т. 1: Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 111.
6. Там же. С. 106.
7. Там же. С. 65.
8. Там же.
9. Там же. С. 52.
10. Лиуан Губжоков: Живу для живых. Жизнь и творчество / сост. Л.Б. Хавжокова. Нальчик: Эльбрус, 2013. С. 125.
11. *Хахов С.Г.* Поздняя осень. (На каб. яз.: БжьыхьэкІэ). Стихотворения и поэма. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 50.
12. *Бицугев А.М.* Избранное: Стихи. Баллады. Поэмы (На каб. яз.: Усыгъэхэр). Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 107.
13. Там же. С. 106.

THE ART OF PSYCHOLOGY OF THE POETRY ON THE WAR (on the material of works of Kabardian authors)

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Kabardino-Circassian Literature Department of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

The article is devoted to the study of artistic psychology of Kabardian military lyrics. The relevance of the topic lies in the fact that at present the psychological perspective of the study of national poetry about the Great Patriotic War remains not sufficiently illuminated. The author

focuses on individualized attempts to use different forms of artistic psychology in the works of famous Kabardian poets: A. Keshokov, L. Gubzhokov, S. Khakhov, A. Bitsuev, etc. Poetic works of the above authors are studied from the standpoint of artistic psychology. In particular, in Kabardian poetry about war, there are direct and indirect forms of psychology, as well as examples of summary-denoting psychology. Particular attention is paid to the works of the poet-front-line soldiers and the generation of the so-called «children of war». The psychological framework for the consideration of poetic material, as a rule, involves an appeal to the emotional and moral-philosophical aspects. In this regard, when analyzing poems, the main emphasis was on the position of lyrical heroes – the so-called “inside” view of a soldier-front-line soldier, as well as mother, wife, children, waiting for their relatives from the war. Thus, in the course of the study, a synthesis of the personal and the universal in the national military lyrics was revealed. In addition, the study identifies the uniqueness of the Kabardian military lyrics, which includes the successful integration of all the designated forms and techniques of psychology in it.

Keywords: Kabardian poetry, history, artistic psychology, direct psychology, indirect psychology, summary-denoting psychology, military lyrics, front-line poet, «children of war».

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-122-129